

ПОНЯТИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ПРИНЦИПАМИ СВОБОДЫ ДОГОВОРА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Богдан Николаевич Сиренко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы», Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, 283015, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 163-а, e-mail: sirenkobogdan@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу принципа добросовестности в системе гражданско-правового регулирования, его соотношению со свободой договора и запретом злоупотребления правом. Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью добросовестности как регулятивного механизма, обеспечивающего баланс интересов сторон в условиях рыночной экономики, а также необходимостью преодоления правовой неопределённости в толковании и применении данного принципа. В статье систематизированы признаки добросовестного поведения (соответствие ожиданиям разумного участника оборота, учёт интересов контрагентов, содействие правосудию) и злоупотребления правом (формальная правомерность при противоправной цели, противоречие социальному назначению права). Предложена трёхмерная модель разграничения добросовестности и злоупотребления правом по следующим критериям: субъективный элемент – наличие/отсутствие противоправного умысла; объективный критерий – соответствие/противоречие социальному назначению права; функциональное назначение – регулятивное или ограничительное воздействие на гражданский оборот. Обоснована дуалистическая природа добросовестности, сочетающая объективный (нормативный критерий) и субъективный (осведомлённость лица) аспекты. Особое внимание уделено анализу судебной практики, включая разъяснения Верховного Суда РФ, что позволило выявить ключевые тенденции в применении принципа добросовестности.

Ключевые слова: принцип добросовестности, свобода договора, злоупотребление правом, гражданско-правовое регулирование, судебная практика, разумность, справедливость.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Сиренко Б.Н. Понятие принципа добросовестности и его соотношение с принципами свободы договора и злоупотребления правом. Государственное управление и право. 2024. № 3(03). С. 188-198.

THE CONCEPT OF THE PRINCIPLE OF INTEGRITY AND ITS RELATIONSHIP WITH THE PRINCIPLES OF FREEDOM OF CONTRACT AND ABUSE OF RIGHT

Bogdan Nikolayevich Sirenko

Federal state budgetary educational institution of higher education «Donetsk Academy of Management and Public Administration», Russian Federation, Donetsk People's Republic, 283015, DPR, Donetsk, 163- a Chelyuskintsev str., e-mail: sirenkobogdan@mail.ru

Abstract. This study is devoted to a comprehensive analysis of the principle of good faith in the system of civil law regulation, its relationship to freedom of contract and the prohibition of abuse of law. The relevance of the topic is due to the increasing role of good faith as a regulatory mechanism that balances the interests of the parties in a market economy, as well as the need to overcome legal uncertainty in the interpretation and application of this principle. The article systematizes the signs of conscientious behavior (meeting the expectations of a reasonable participant in the turnover, taking into account the interests of counterparties, promoting justice) and abuse of law (formal legality for an illegal purpose, contradiction to the social purpose of law). A three-dimensional model of the distinction between good faith and abuse of law is proposed according to the following criteria: the subjective element is the presence/absence of unlawful intent; the objective criterion is compliance/contradiction with the social purpose of law; functional purpose – regulatory or restrictive impact on the civil turnover. The dualistic nature of conscientiousness is substantiated, combining objective (normative criterion) and subjective (awareness of the person) aspects. Special attention is paid to the analysis of judicial practice, including clarifications by the Supreme Court of the Russian Federation, which revealed key trends in the application of the principle of good faith.

Keywords: principle of good faith, freedom of contract, abuse of law, civil law regulation, judicial practice, reasonableness, fairness.

Financing information: this study was carried out without external funding.

For citation: Sirenko B.N. (2024) The concept of the principle of integrity and its relationship with the principles of freedom of contract and abuse of right. Public administration and law, 3(03), 188-198.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена всё возрастающей ролью принципа добросовестности в механизме регулирования гражданско-правовых отношений в современной России. В условиях рыночной экономики и построения взаимовыгодных

финансово-экономических и хозяйственных отношений, где свобода договора выступает одним из основополагающих устоев, требуется наличие сдерживающих факторов, предотвращающих злоупотребления этой свободой и обеспечивающих справедливость и баланс интересов сторон.

Принцип добросовестности выполняет функцию регулятивного механизма, способствуя реализации постулата свободы договора в рамках его социально-ориентированной интерпретации. Соотношение принципа добросовестности с нормой свободы договора представляет собой сложную и многоплановую проблему, требующую комплексного теоретического анализа. Так:

- с одной стороны, свобода договора подразумевает самостоятельность и инициативу сторон в определении объёма своих прав и обязанностей;

- с другой, – постулат добросовестности ограничивает эту свободу, требуя от сторон честного и справедливого поведения при заключении, исполнении и прекращении договора.

Таким образом, возникает необходимость в гармонизации отмеченных двух принципов с тем, чтобы обеспечить как свободу договорных отношений, так и защиту от недобросовестных действий.

Принцип злоупотребления правом находится в тесной взаимосвязи с принципом добросовестности, поскольку злоупотребление правом рассматривается в качестве одной из форм проявления недобросовестного поведения. Осуществление субъективных прав в противоречии с их социальным назначением, направленное на причинение вреда контрагенту либо на обход установленных законодательных запретов, признаётся юридически недопустимым. В данном контексте принцип добросовестности выполняет функцию правового инструментария, позволяющего идентифицировать и нейтрализовать случаи

злоупотребления субъективными правами, что в конечном итоге способствует обеспечению эффективной защиты законных интересов участников гражданско-правовых отношений.

Научная новизна работы заключается в разработке критериев разграничения добросовестности и злоупотребления правом, а также в определении пределов свободы договора с учётом требований добросовестности.

Стоит указать, что исследование соотношения принципа добросовестности с канонами свободы договора и злоупотребления правом имеет важное практическое значение, поскольку правильное понимание этих постулатов позволяет судам принимать справедливые и обоснованные решения, а участникам гражданских правоотношений – избегать недобросовестных действий и профессионально отстаивать свои права. Более того, развитие доктрины добросовестности способствует формированию высокой правовой культуры и укреплению доверия в гражданском обороте в Российской Федерации.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования заключается в комплексном анализе понятия принципа добросовестности и его соотношения с постулатами свободы договора и злоупотребления правом, а также в разработке критериев разграничения добросовестности и злоупотребления правом, определении пределов свободы договора с учётом требований добросовестности и гармонизации этих принципов в гражданском обороте.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологической основой работы выступает диалектико-

материалистический метод познания социально-правовых явлений и основанные на его базе общенаучные методы, в процессе которого широко использовались отдельные традиционные общенаучные методы, в частности: формально-логический, обобщение, моделирование, методы сравнительного анализа отечественных источников по теме исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЯ

Принцип добросовестности, закреплённый в гражданском праве, выступает как фундаментальная основа, пронизывающая всю систему договорных отношений. Этот канон обязывает участников гражданского оборота действовать честно, разумно и справедливо по отношению друг к другу, учитывая взаимные интересы каждого. Указанный постулат является неотъемлемым элементом правовой культуры и способствует формированию доверительных отношений между сторонами.

Соотношение принципа

добросовестности и канона свободы договора является сложным и многогранным. Так, с одной стороны, свобода договора предполагает возможность сторон самостоятельно определять условия соглашения, что признаётся важным аспектом автономии воли. С другой, – принцип добросовестности ограничивает эту свободу, требуя от сторон учитывать взаимные интересы, исключая при этом факты злоупотребления своими правами.

Злоупотребление правом, как понятие, тесно связано с принципом добросовестности и возникает в тех случаях, когда лицо реализует своё право вопреки его назначению, с целью причинения вреда другому лицу либо для достижения иных недобросовестных целей. Постулат добросовестности призван предотвращать такие ситуации и обеспечивать справедливое разрешение споров [1, с. 136].

Многие исследователи, включая зарубежных, склонны отождествлять принцип и презумпцию добросовестности (табл. 1).

Таблица 1. Интерпретация добросовестности в гражданском праве: позиции учёных

Table 1. Interpretation of good faith in civil law: positions of scientists

Учёный	Мнение
А. В. Коновалов	понятие добросовестности в основном охватывает понятия разумности и справедливости действий участников гражданских правоотношений. Под разумностью, в свою очередь, следует понимать рациональный аспект адекватного добросовестного поведения участника оборота – его стремление соизмерять своё поведение со здравым смыслом, общими представлениями об осторожности и предусмотрительности и экономической целесообразностью, правами и охраняемыми законом интересами других субъектов. Справедливость же выражает готовность конкретного субъекта при реализации своего юридически значимого поведения также учитывать как интересы иных лиц, так и в целом интересы общества и учитывать принятые в нём нормы морали и нравственности [2, с.4]

Учёный	Мнение
Ф. Терре	анализируя действие принципа-презюмции добросовестности во французском праве, отмечает, что презюмция добросовестности становится принципом, подразумеваемым во всех правоотношениях [3]
А. С. Варвенко, С. С. Желонкин и В. В. Жукавин	подчёркивают многоаспектность категории «добросовестность» в российском гражданском праве, поскольку она является и принципом, и презюмцией, и характеристикой субъекта правоотношения [4]
Ю. В. Виниченко	указывает, что принцип добросовестности и презюмция добросовестности имеют совершенно различное функциональное предназначение, в связи с чем отождествлены быть не могут [5, с. 285]

Правовые принципы, в соответствии с традиционной доктриной, выполняют функцию непосредственного нормативного регулирования правоотношений в соответствующей правовой сфере, тогда как правовые презюмции, по своей основной природе, ориентированы на оптимизацию процесса доказывания и упрощение гражданского оборота. Однако в научной

литературе получила распространение позиция, согласно которой правовые презюмции обладают также регулятивным потенциалом и способны непосредственно воздействовать на динамику правоотношений, что свидетельствует о их двойственной юридической природе, сочетающей как доказательственную, так и нормообразующую функции (табл. 2).

Таблица 2. Отражение двойственности функций в презюмции: мнения учёных

Table 2. Reflection of the duality of functions in the presumption: opinions of scientists

Учёный	Мнение
М. Л. Давыдова	указывает, что презюмции выступают принципом разрешения конкретной правовой ситуации [6, с.1 59]
Ю. В. Виниченко	презюмции не являются правовыми нормами хотя бы уже потому, что априори нарушены они быть не могут [5, с. 287]

В контексте рассматриваемой проблемы представляется существенным подчеркнуть, что в российской цивилистической доктрине добросовестность интерпретируется в дуалистическом ключе, предполагающем её субъективное и объективное измерения.

В объективном аспекте добросовестность выступает в качестве нормативного критерия, выполняющего оценочную функцию при анализе поведения участников гражданских правоотношений. В субъективном же измерении добросовестность трактуется как степень

информированности конкретного субъекта о фактических обстоятельствах либо о правах и законных интересах других участников правового оборота, что формирует когнитивную основу его правового поведения. [7, с. 93].

С учётом изложенной аргументации представляется обоснованным утверждать, что нормативное закрепление в статье 1 ГК РФ охватывает оба аспекта добросовестности: в пункте 1 указанной статьи формулируется объективный критерий добросовестности как общеправового принципа, тогда как пункт 5 статьи 1 ГК РФ регламентирует субъективный аспект добросовестности, устанавливая презумпцию добросовестности участников гражданского оборота при осуществлении ими своих прав [8].

В контексте данного исследования представляется методологически значимым обращение к анализу содержания принципа добросовестности участников гражданского оборота, при этом следует отметить существование длительной научной дискуссии относительно необходимости законодательного закрепления дефиниции «добросовестность», где, с одной стороны, высказывалась позиция о важности формального определения данного понятия, а с другой – обосновывалась точка зрения о принципиальной невозможности разработки универсального определения и однозначных критериев добросовестности; при этом инкорпорация данного принципа в Гражданский кодекс Российской Федерации объективно обусловила формирование устойчивой судебной практики и появление разъяснений

высших судебных органов, выполняющих в настоящее время функцию важных ориентиров для субъектов правоприменительной деятельности.

В частности, Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях неоднократно подчёркивал необходимость учёта принципа добросовестности при применении норм гражданского права. Так, в постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняется, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, действующего с должной заботой и осмотрительностью [9].

Принцип добросовестности, будучи оценочной категорией, предполагает необходимость комплексного анализа судом конкретных обстоятельств каждого дела, включая исследование субъективных целей сторон при заключении сделки, их поведения на всех стадиях гражданского оборота (до, во время и после совершения сделки), а также иных существенных факторов, позволяющих квалифицировать действия участников правоотношений как добросовестные либо недобросовестные в рамках конкретной правовой ситуации.

Важным аспектом применения постулата добросовестности признаётся его взаимосвязь с другими канонами гражданского права, такими как принцип разумности и принцип справедливости. Суду следует учитывать все

эти догматы в совокупности для принятия справедливого и обоснованного решения.

Стоит отметить, что недобросовестное поведение может выражаться в различных формах, таких как злоупотребление правом, обман, умышленное введение в заблуждение, сокрытие информации и т. п. В случае установления недобросовестности одной из сторон, суд может отказать ей в защите права, признать сделку недействительной или применить иные меры, предусмотренные законом.

Таким образом, принцип добросовестности признаётся важным инструментом для обеспечения справедливости и баланса интересов в гражданских правоотношениях, посредством которого судам предоставляется возможность объективно оценивать поведение сторон с последующим принятием справедливых и обоснованных решений, основанных не только на формальном соблюдении положений закона, но и на действующих в обществе морально-этических догмах.

Принцип добросовестности в системной взаимосвязи с категориями разумности, справедливости и запретом злоупотребления правом формирует целостный регулятивный механизм гражданского - правового регулирования, при этом каждый из указанных элементов обладает свойствами самостоятельной оценочной категории.

С методологической точки зрения, принцип разумности находится в диалектической взаимосвязи с доктриной добросовестности, поскольку правомерность поведения субъекта гражданского оборота

может быть квалифицирована как разумная исключительно при условии её соответствия требованиям правомерной реализации субъективных прав и охраняемых законом интересов. Критерии разумного поведения находят своё выражение в соблюдении устоявшихся обычаев делового оборота, учёте прав и законных интересов контрагентов, проявлении должной степени осмотрительности и отсутствии корыстных намерений, причём данные параметры одновременно выступают маркерами для выявления недобросовестных действий. Институт свободы договора, будучи фундаментальным элементом гражданско-правовой системы, гарантирует автономию воли участников правоотношений, однако принцип добросовестности выполняет функцию правового ограничителя данной свободы, направляя её реализацию в русло законности и соблюдения общепринятых стандартов.

Парадоксальным образом указанные принципы, демонстрируя внешнюю антиномичность, находятся в отношении функциональной зависимости: добросовестность как правовой феномен объективно детерминирована существованием свободы договора, выполняя при этом стабилизирующую функцию посредством установления разумных ограничений, способствующих упорядочению гражданского оборота и поддержанию баланса интересов его участников.

Оба принципа обладают фундаментальным значением в системе гражданско-правового регулирования, оказывая воздействие на различные виды общественных

отношений, охватываемых гражданским законодательством. При этом принцип разумности выполняет функцию конкретизации принципа добросовестности, формируя нормативное понимание добросовестного поведения как соответствующего критериям разумности, базирующегося на сложившейся правоприменительной практике и требованиях действующего законодательства.

Принцип добросовестности находит своё нормативное закрепление в многочисленных положениях Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующих различные виды гражданско-правовых отношений, в частности, требование о недопустимости злоупотребления правом, зафиксированное в статье 10 ГК РФ, устанавливающей запрет на осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также на действия в обход закона с противоправной целью, что подчёркивает системный характер рассматриваемых принципов в механизме гражданско-правового регулирования: «...не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» [8].

Необходимо констатировать, что законодательное закрепление принципа добросовестности породило ряд теоретических и практических проблем, связанных с разграничением смежных правовых категорий.

Особую значимость в этом контексте приобретает дифференциация понятий

«недобросовестность» и «злоупотребление правом», являющаяся принципиально важной для современного гражданского права. Следует отметить, что нормы о злоупотреблении правом имеют глубокие исторические корни в российской правовой системе, присутствуя как в дореволюционном, так и в советском законодательстве, где они традиционно выполняли функцию предотвращения использования прав в ущерб третьим лицам, хотя чёткие критерии разграничения правомерной реализации прав и их злоупотребления не были формализованы, оставляя разрешение данного вопроса на усмотрение судебных органов. Категориальная сущность злоупотребления правом заключается в его принципиальном отличии от правонарушения: если последнее представляет собой прямо запрещённое законом деяние, то злоупотребление правом формально соответствует правовым нормам, но при этом преследует противоправную цель, создавая ситуацию, когда субъект, оставаясь в рамках формальной законности, осуществляет недопустимое использование предоставленных ему правомочий.

Институт злоупотребления правом выполняет важную регулятивную функцию, устанавливая пределы осуществления субъективных прав и создавая правовые механизмы контроля за деятельностью участников гражданского оборота, что нашло отражение в многочисленных разъяснениях Верховного Суда РФ, где в одних случаях злоупотребление правом трактуется как причинение вреда посредством реализации субъективного права, а в других –

как осуществление права вразрез с его социальным назначением и целями правового регулирования.

Следует особо подчеркнуть, что в современной судебной практике сформировались следующие ключевые критерии оценки добросовестности поведения участников гражданского оборота: соответствие действий субъекта стандартам поведения, которые разумно ожидаются от участника правоотношений в конкретных обстоятельствах; обязательный учёт законных интересов всех сторон, вовлечённых в правовые отношения; надлежащее исполнение установленных законом и договором обязательств; активное содействие правосудию путём предоставления полной и достоверной информации при рассмотрении судебных споров, что в совокупности образует систему объективных параметров для квалификации поведения как добросовестного в рамках гражданско-правового регулирования [10, с. 74].

Злоупотребление правом, регламентированное статьёй 10 ГК РФ, считается частным проявлением недобросовестности, что предполагает осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, либо совершение действий в обход закона с противоправной целью, либо иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [8].

Судебная практика в этой сфере постоянно нарабатывается, выявляя всё новые формы недобросовестного поведения, которые могут повлечь за собой отказ в защите нарушенного права или иные неблагоприятные последствия для недобросовестной стороны. При этом наблюдается тенденция

к более широкому применению принципа добросовестности при рассмотрении споров, связанных с договорными отношениями.

Суды же анализируют поведение сторон на всех этапах заключения, исполнения и прекращения договора, учитывая их намерения, цели и разумные ожидания. При этом особое внимание уделяется соблюдению баланса интересов участников сделки и недопущению ситуаций, когда один из них извлекает необоснованную выгоду за счёт другого.

Принцип недопустимости злоупотребления правом занимает ключевое положение в системе современного гражданско-правового регулирования, однако сохраняется существенная правовая неопределённость, выражающаяся в отсутствии единообразного доктринального и правоприменительного понимания как самого понятия злоупотребления правом, так и его квалифицирующих признаков, а также чётких критериев разграничения добросовестного и недобросовестного поведения, что обуславливает необходимость законодательной формализации данных категорий в Гражданском кодексе Российской Федерации посредством разработки легальных дефиниций, учитывающих как достижения современной цивилистической науки, так и сложившуюся судебную практику.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в статье предпринята попытка концептуального обоснования и разработки системы дифференцирующих критериев, позволяющих чётко разграничивать категории добросовестности и злоупотребления правом в гражданско-правовом регулировании, что подтверждается

проведённым комплексным анализом доктринальных подходов, законодательных положений и современной судебной практики, выявившим существенные пробелы и противоречия в их толковании и применении. Доказательная база исследования включает: 1) систематизацию признаков добросовестного поведения (соответствие ожиданиям разумного участника оборота, учёт интересов контрагентов, содействие правосудию) и злоупотребления правом (формальная правомерность при противоправной цели, противоречие социальному назначению права); 2) выявление юридической природы данных категорий через призму их функционального назначения в механизме гражданско-правового регулирования; 3) разработку теоретической модели определения пределов свободы договора, основанной на балансе автономии воли сторон и требований добросовестности, что подтверждается анализом эволюции судебной практики и сравнительно-правовым исследованием зарубежных правовых порядков. Теоретическая значимость заключается в

предложенной трёхмерной структуре разграничения анализируемых категорий: по субъективному элементу (наличие/отсутствие противоправного умысла), объективному критерию (соответствие/противоречие назначению права) и функциональному назначению (регулятивное/ограничительное воздействие на гражданский оборот), что создаёт методологическую основу для совершенствования законодательства и унификации правоприменительной практики в области договорного права.

В результате можно утверждать, что принцип добросовестности служит своеобразным балансиrom между свободой договора и необходимостью защиты интересов «слабой» стороны. При этом этот постулат не отменяет свободу договора, но устанавливает определённые рамки, в пределах которых она может быть реализована. Добросовестность признаётся важным критерием правомерности поведения участников гражданского оборота и наделена важной ролью в механизме обеспечения стабильности и предсказуемости договорных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белов В.А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 томах. Том 1. Москва: Юрайт, 2024. 485 с.
2. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4-14.
3. Основные начала российского и французского права: учебник / Ж.-С. Борgetti [и др.]; под ред. Г.А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьяна. Москва, 2012. 320 с.
4. Варвенко А.С., Желонкин С.С., Жукавин В.В. Теоретико-правовые положения о принципе добросовестности в гражданском праве // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1(59).
5. Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в российском праве // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 160. С. 285-301.

6. Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 159-170.
7. Гражданское право: учебник: в 2-х т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2018. Т. 2. 560 с.
8. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
10. Иванова Е.В. Гражданское право. Общая часть. Учебник и практикум для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 257 с.

Информация об авторах

Сиренко Богдан Николаевич – кандидат юридических наук, доцент

REFERENCES

1. Belov, V.A. Civil law. Current problems of theory and practice in 2 volumes. Volume 1. Moscow: Yurait, 2024. 485 p. (In Russ.)
2. Konovalov, A.V. The principle of good faith in the new edition of the Civil Code of the Russian Federation and in judicial practice // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 4. Pp. 4-14. (In Russ.)
3. Basic principles of Russian and French law: textbook / J.-S. Borghetti [et al.]; edited by G.A. Yesakov, N. Mazek, F. Melin-Sucramanien, Moscow, 2012. 320 p. (In Russ.)
4. Varvenko, A.S., Zhelonkin, S.S., Zhukavin, V.V. Theoretical and legal provisions on the principle of good faith in civil law // Leningrad Law Journal. 2020. №1(59). (In Russ.)
5. Vinichenko, Yu.V. On the presumption of good faith in Russian law // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2018. No. 160. Pp. 285-301. (In Russ.)
6. Davydova, M.L. Legal presumptions in the system of legal technology // Legal technology. 2010. No. 4. Pp. 159-170. (In Russ.)
7. Civil law: textbook: in 2 volumes / O.G. Alekseeva, E.R. Aminov, M.V. Bando et al.; edited by B.M. Gongalo. 3rd ed., revised and an additional one. Moscow: Statute, 2018. Vol. 2. 560 p. (In Russ.)
8. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) / dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024, as amended. from 31.10.2024).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 «On the application by Courts of certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation».
10. Ivanova, E.V. Civil law. The general part. Textbook and workshop for universities. Moscow: Yurait, 2019. 257 p. (In Russ.)

Information about the authors

Bogdan N. Sirenko – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию (Reserved) 12.09.2024

Поступила после рецензирования 28.10.2024

Принята к публикации (Accepted) 28.11.2024